

Шут, очки в сторону!

Д. Н. ПАНЬКОВ

Мои первые осознанные воспоминания об отце начинаются так. До трех лет я воспитывался бабушкой и дедушкой, родители обустроивались отдельно и привезли меня к себе не сразу. И вот я помню тот день, когда мы наконец приехали — собрались гости, вокруг приятная суэта. Наконец я вижу обоих родителей, которых я до этого момента видел, можно сказать, урывками. И вдруг мой взгляд остановился на гитаре с красивыми узорами, которые напомнили мне муравьев в меде. «Да, это гитара», — подхватил мой взгляд кто-то из взрослых. — «Твой папа на ней играет». Вот как — мой папа еще и на гитаре играет. Я толком и не понимал, что значит играть на гитаре, но подспудно не сомневался, что это что-то очень хорошее.

А еще, тоже как одно из первых осознанных открытий — папа что-то сказал, а все засмеялись. «Папа шутит», — пояснили мне. Таким образом, понятие шутки пришло ко мне именно через отца — и еще долгое время при слове «шутка» я представлял себе именно его улыбающееся лицо. Отец всегда очень много шутил, в хорошем настроении обыгрывая практически любую фразу, которую слышал. Эту шуточную мистерию хорошо иллюстрирует каламбур «Шут, очки в сторону!» — так отец переделал фразу «шуточки в сторону», которую часто произносила одна из наших знакомых.

Отцовские каламбуры всегда были эффектными — как мы знаем, в названиях своих работ он также часто к ним прибегает, — и время от времени выходили за пределы семьи в виде, например, идей для факультетских праздников. Однажды в канун Нового года отец сделал представление с моими игрушечными собаками, которые пели: «Мы же — лаем счастья вам...»

При этом отец всегда любил и абсурдные шутки, что вызывало во мне не меньший, а то и больший восторг, чем каламбуры, которые можно свести к конкретному смыслу. Хармса мы открывали для себя всей семьей — я читал его родителям вслух, потому что он стал для меня таким же радостным откровением, как и для них. Мне очень нравится печальное двустишие, которое однажды изрек отец по впечатлениям от обеда в столовой, в которой, по нашему с мамой впечатлению, котлеты были несвежие: «Сегодня я умру, отравленный котлетой и раненный стрелой в стреноженный живот...».

Отец зачитывал нам с матерью любимые смешные моменты из «Золото-го теленка» и «Бравого солдата Швейка». Про пьяного фельдкурата все было довольно понятно, а вот про Паниковского я, будучи еще очень мал, понимал не все — например, мне было неизвестно, что такое конвенция, которую нарушил Паниковский. Но, тем не менее, это было невероятно смешно — а все дело в том, что читал отец прекрасно. Впрочем, его артистическое дарование и так было всем очевидно, потому что он активно участвовал в культурной жизни факультета и института, постоянно выступая на мероприятиях с различными бардовскими песнями и классическими ариями. У отца красивый, академический бас, обладающий всеми необходимыми ха-

рактическими для очень достойного исполнения классических произведений. Во время учебы в Томском университете он пел в тамошней хоровой капелле, в Витебске он пел в хоре местного дворца культуры. Однажды я даже ездил с ними в гастрольную поездку в Псков — это было очень весело.

У нас в семье была главная любимая ария — ария донна Базилио о клевете из «Севильского цирюльника». Отец ее особенно любит, поэтому я слышал ее много раз с малых лет. Впоследствии, уже будучи учеником музыкальной школы, я подобрал арию на пианино, и отец пел ее под мой аккомпанемент.

Отец всегда принимал участие в жизни моих игрушек — или пытался принимать участие, а я очень этому возмущался. А как не возмущаться, если у меня концерт собак и пингвина, и в самый его разгар одного из исполнителей поднимают за уши и летают по комнате. Главную собаку в моем игрушечном мире звали Булька Артемонова (потому что она дочь легендарного Пуделя Артемона). Отец увековечил ее в таком экспромте:

А вы не знаете, кто звонит по телефону вам?
Кто это такая злая?
Это вас тревожит Булька Артемонова!
Сейчас она на вас залает!

Собачья тема потом была претворена в жизнь с появлением у нас настоящего пса — Джима. Методом каламбурической дедукции отец пришел к выводу, что Джим запальчив и заносчив — просто потому что я поинтересовался у пса, зачем он кусает меня за пальцы.

Гитара и шутки, конечно, представляют лишь одну сторону медали, а основную часть времени отец был сосредоточенным на своей работе ученым. Если папы нет дома — значит, он или на работе, или в библиотеке. Если он дома — то, как правило, он сидит за письменным столом, отхлебывает чай и что-то пишет или читает.

В то время, в которое протекало мое детство, кроме зарубежной литературы, по которой он писал диссертацию, отец активно занимался Высоцким. Невозможно было не влюбиться в этого, без преувеличения, великого поэта, и у нас дома было, я думаю, всё, что спел Высоцкий. Огромное количество кассет и пластинок, причем я сразу подхватил эту эстафету. В молодости одним из коронных номеров, исполнявшихся отцом под гитару, была песня попугая из «Алисы в стране чудес», написанная и исполненная Высоцким. Когда отец пел эту песню в Уфе маминим родственникам (Высоцкий еще был жив), один из них даже начал открывать все окна со словами «Давайте откроем окна, пусть все подумают, что у нас тут Высоцкий поет!» Отец пел крайне харизматично и хорошо выдерживал стиль исполнения Высоцкого, поэтому так действительно вполне могли подумать. Любовь к Высоцкому не ограничилась у отца исполнением его песен, он также написал о творчестве Высоцкого ряд трудов и выступал с докладами о нем на нескольких конференциях.

Эстетические вкусы отца всегда были широки, он прекрасно владеет классическим искусством и всегда старался следить за современной культурой. Эксперименты вроде произведений Сорокина не вызвали в нем особого вос-

торга, а Пелевина он воспринял с большим интересом. В молодости он всегда покупал все новые пластинки тогдашних авторов и исполнителей — Тухманова, ВИА «Ариэль», Градского, Стаса Намина, впоследствии «Аквариум», «ДДТ» и других. Мы с ним сходились в любви к Шевчуку и Гребенщикову, оба прохладно относились к «Наутилусу» (хотя отец разучил и пел одну их песню — «Прогулки по воде»), оба не любили так называемую попсу. Однако наши взгляды на западную музыку в корне расходились, потому что мне тогда нравились Deep Purple, а отец, послушав их, сказал: «Ну что ж, импресарио у них хороший, видимо». Мне отец в свою очередь навязывал песню про отель «Калифорния», но для меня это было слишком слащаво — cheesey, как сказали бы на туманном Альбионе, — ну, или я просто перечил для симметрии. Отец всегда явно тяготел к мелодичности — поэтому старую советскую эстраду он тоже очень любит.

А потом однажды появилось имя «Бахтин». Отец так увлекся его трудами, что однажды, когда он не мог найти дома одну из бахтинских книг, мама даже пошутила, что не перепрыгал ли он книгу во сне — настолько силен был его интерес. Изначально у отца возникла идея выпустить сборник статей о Бахтине. А дальше — дальше мы сидели в драмтеатре на концерте классической музыки — отец приобщал меня к академической культуре, — настроение было веселое, потому что только что кто-то из нас случайно прищемил ногу сидевшему сзади человеку, а это оказался мой учитель по вокалу, которого знал и отец, и это все было довольно смешно — учитель отреагировал на прищемленную ногу довольно красиво взятой высокой нотой. И тут к отцу подошла его коллега и спросила о судьбе сборника статей о Бахтине. А отец ответил, что идея сборника постепенно трансформируется в идею создания специального журнала. Вот так я впервые услышал о журнале. Отец всегда был интровертом, не любил много болтать, поэтому такой способ узнать о его планах был вполне нормальным.

А дальше последовал довольно тяжелый период, когда отец буквально целыми днями ходил по Витебску в поисках финансирования для своего начинания. Честно говоря, практически никто тогда не верил, что из этого что-то получится, но упорство отца принесло свои плоды. Оказалось, что все-таки можно найти людей, готовых заплатить за развитие вот такого необычного издания. И это несмотря на то, что иные из родительских коллег произносили что-то вроде «Это может получиться, только если через страницу фотографии голых женщин размещать». Отца очень раздражали такие реплики — как, впрочем, и всю семью.

Нашлись и спонсоры, и люди, готовые помочь в подготовке журнала к изданию — студенты, хорошо освоившие компьютер (тогда компьютер еще не был обитателем каждого дома). А Витебский пединститут, который к тому времени уже стал Витебским государственным университетом имени того же П. Машерова, что и раньше, выделил для редакции журнала комнату под памятным номером 311. «Триста одиннадцатая» — теперь это было особое наименование, имеющее священный статус. Редакция журнала привлекла к себе самых интересных людей института, это была своеобразная научная Мекка локального значения, в которую можно было приходиться в течение дня, и всегда там кто-то был. За чаепитием обсуждались философ-

ские, литературоведческие, политические и обычные жизненные вопросы, готовились к печати номера, профессионально росли люди. Первые опыты общения с компьютером я получил именно там, а когда редакция стала содействовать изданию книг и, в частности, книги тогдашнего ректора университета А. Рущкевича о белорусской культуре, я заработал свои первые деньги — набором белорусского текста. Долгое время после этого самым быстропечатаемым словом у меня было слово «мастацтва» («искусство» по-белорусски).

Годы, в которые существовала триста одиннадцатая, были очень яркими и насыщенными. Дело бахтиноведения шло в гору, отец организовал две конференции в Витебске — Бахтинские чтения, потом материалы этих конференций готовились к изданию. Все это делалось в приятной атмосфере дружного коллектива, это была действительно очень хорошая компания. Когда были конференции, мы приглашали участников в гости, и эти приятные посиделки я никогда не забуду.

Потом мы начали думать о перемещении ближе к Москве — в уже независимой Республике Беларусь все-таки возникало ощущение, что мы не совсем местные, и хотелось вновь оказаться в России. Постепенно триста одиннадцатая опустела, часть людей откололась, занявшись другими делами, самые верные остались, но изначальный пыл уже, как казалось, прошел.

После переезда в Московскую область жизнь стала значительно спокойнее. Аналогов триста одиннадцатой тут не было, да и сложнее себе представить нечто сравнимое с маленьким Витебском в огромной Москве, где помещения найти трудно, и передвижения сильно ограничиваются большими расстояниями. В Москве журнал просуществовал недолго, как я понимаю, в основном из-за того, что стабильного финансирования больше не было. Оставалось только надеяться на единичные вспомоществования, а искать их на каждый номер стало довольно тяжело. Я думаю, это также связано с тем, что пропало ощущение общего дела, единение людей. Впрочем, это произошло как раз в то время, когда все резко стали сильно индивидуализированы, отширмлены друг от друга в рамках своих семей. Так мы и жили, внутриутробно, осваивая знакомый и одновременно совершенно незнакомый город Москву — мы все часто бывали в Москве до этого и хорошо ее знали, но теперь она сильно изменилась вместе с эпохой. Такая спокойная замкнутая жизнь тоже приносила определенную радость, но «эффекта триста одиннадцатой» не было, и, возможно, это подавляло отца и повлияло на его теперешнее тяжелое состояние.

Я был бы самым счастливым человеком на свете, если бы, вопреки всем словам врачей, отец выздоровел и смог вернуться к полноценной жизни. Его болезнь не укладывается в моем восприятии, а когда папа мне снится, он всегда снится мне прежним — здоровым. Мне не хочется верить в то, что болезнь у него есть. Я предпочитаю верить в то, что она когда-нибудь исчезнет так же неожиданно, как когда-то появилась, или что она, по крайней мере, не будет слишком жестокой. К счастью, вопреки своему тяжелому состоянию, отец сохраняет чувство юмора и всегда рад хорошей шутке — и я всегда готов его повеселить, у меня была хорошая школа.